
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

УДК 340.1
ББК 67.0

DOI 10.22394/1682-2358-2022-5-72-82

М.А. Kulikov, Candidate of Sciences (Law), Deputy Head of the International Bureau for Cybersecurity "CYBERPOL", doctoral student, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)

FORMS AND MECHANISMS OF MANIPULATING LEGAL GOALS AND INSTRUMENTS IN THE PROCESS OF REALIZATION OF LAW

The nature, concept, as well as forms and mechanisms of manipulating legal goals and instruments in the process of realization of law are analyzed. Specific features of this form of lawful behavior, interdependence of manipulation of legal goals and instruments in the process of compliance, performance, use and application of law, as well as its results and consequences are demonstrated by specific examples. The thesis about the immanence of the manipulation of legal goals and instruments to the process of legal regulation is argued.

Key words and phrases: manipulation, legal goal, legal means, realization of law, interest.

М.А. Куликов, кандидат юридических наук, заместитель руководителя международного бюро по кибербезопасности «КИБЕРПОЛ», докторант Московского государственного института международных отношений (email: Mikhail.a.kulikov@mail.ru)

ФОРМЫ И МЕХАНИЗМЫ МАНИПУЛИРОВАНИЯ ЦЕЛЯМИ И СРЕДСТВАМИ В ПРАВЕРЕАЛИЗАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. Анализируются природа, понятие, а также формы и механизмы манипулирования юридическими целями и средствами в процессе реализации права. На конкретных примерах демонстрируются специфические признаки данной формы правомерного поведения, выявляется взаимозависимость манипулирования юридическими целями и средствами в процессе соблюдения, исполнения, использования и применения права, изучаются его результаты и последствия. Аргументируется тезис об имманентности манипулирования юридическими целями и средствами правовому регулированию.

Ключевые слова и словосочетания: манипулирование, юридическая цель, юридическое средство, реализация права, интерес.

Манипулятивные технологии воздействия на общественные отношения в современном мире уже давно стали

реальностью, с которой приходится не только считаться, принимать во внимание, но и активно исследовать с позиции самых различных подходов. Весьма значительное количество научных исследований посвящено информационному, психологическому, политическому, экономическому, управленческому и другим разновидностям манипулирования. Однако манипулирование в процессе правового регулирования, выступающего важнейшей разновидностью социального управления в целом, за редким исключением [1], незаслуженно игнорируется как представителями теории государства и права, так и отраслевых юридических наук.

Современные реалии правовой жизни российского общества и многих других государств убедительно свидетельствуют о том, что манипулирование юридическими целями и средствами достаточно широко применяется в правотворческом, правореализационном и правоинтерпретационном процессах и требует глубокого анализа, который позволит не только обогатить юридическую науку, но и существенным образом повысить эффективность и социальную обусловленность механизма правового регулирования.

Под манипулированием юридическими целями и средствами мы понимаем осуществляемую при помощи скрытой тактики или стратегии форму правомерного поведения, заключающуюся в постановке или использовании юридических целей, а также в создании или применении юридических средств в интересах субъекта управления (манипулятора) вопреки истинным потребностям и интересам объекта управления (манипулируемых).

Фокусируя внимание на манипулировании юридическими целями и средствами в правореализационном процессе, подчеркнем, что реализация права является логичным «продолжением» правотворческого процесса. Это означает, что если манипулирование юридическими целями и средствами наличествовало в процессе создания правовых норм, то даже самая эффективная реализация юридических предписаний не приведет к искомой упорядоченности общественных отношений и гармоничному сосуществованию интересов личности, общества и государства. В данном случае реализация права будет отражать интересы лишь субъекта управления (субъекта правотворческого процесса либо тех, кто сумел пролоббировать свои интересы посредством данного вида правомерной активности), а участники правореализационного процесса будут выступать как объекты управления, способствующие реализации интересов его субъектов [2; 3]. Вместе с тем участники правореализационного процесса могут выступать и субъектами манипулирования юридическими целями и сред-

ствами, непосредственно используя правовой инструментарий ради реализации своих правомерных стремлений за счет и в ущерб интересам иных участников правоотношений. Рассмотрим механизмы подобного манипулирования, проявляющиеся во всех формах реализации права — соблюдении, исполнении, использовании и применении [4, с. 327; 5, с. 244].

При соблюдении права участники общественных отношений воздерживаются от совершения противоправных действий и следуют предписаниям правовых норм. Такая форма реализации права связана с соблюдением запретов и представляет собой пассивное правомерное поведение как индивидуальных, так и коллективных субъектов. Данная, достаточно «простая» форма реализации права, казалось бы, не предполагает манипулирование запретами — их можно либо соблюсти, либо нарушить. Тем не менее есть все основания полагать, что даже при соблюдении запрета субъект может манипулировать юридическими целями и средствами, влияя соответствующим образом на поведение объекта манипулятивного воздействия.

В качестве примера можно привести манипулирование запретом на рекламу алкогольной продукции в телепрограммах и радиопрограммах, установленным п. 3 ч. 2 ст. 21 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» [6]. Чтобы обойти данный запрет, производители алкогольной продукции (в частности, пива) предлагают рекламу безалкогольной продукции той же компании и того же бренда (безалкогольного пива), вызывающую прямые ассоциации с алкогольной продукцией данного производителя. Иными словами, у телезрителя, несколько раз просмотревшего рекламу безалкогольного пива легко узнаваемого бренда, скорее всего, возникнет желание купить алкогольную продукцию, преобладающую в ассортименте оплатившего рекламу производителя.

В рассмотренном примере производитель алкогольной продукции (равно как и соответствующее СМИ) запрет на рекламу не нарушил, однако реализация права в форме его соблюдения в данном случае исказила волю законодателя и не привела к тому результату, который планировался изначально. За счет и в ущерб охраняемым законом интересам потребителей рекламы производители как рекламного контента, так и алкогольной продукции реализовали свой интерес в увеличении продаж не только и не столько безалкогольной продукции, сколько того алкоголя, реклама которого и была запрещена. Потребитель, будучи объектом манипулятивного воздействия, скрытыми, завуалированными способами мотивировался, побуждался к покупке алкоголя вопреки его истинным интересам, потребностям и ожиданиям.

ям. Более того, потребители могли не ожидать и не осознавать того, насколько серьезно реклама безалкогольной продукции может стимулировать и, по сути, навязать им покупку алкоголя того же (и даже иного) бренда.

Рассмотренный способ манипулирования следует отличать от манипулирования запретами в процессе правотворческой или правоприменительной деятельности, когда запреты устанавливаются ради реализации одних правомерных стремлений в ущерб другим за счет интересов объекта управления. Так, п. 1 ч. 2 ст. 21 Федерального закона «О рекламе» установлено, что реклама алкогольной продукции не должна размещаться «в периодических печатных изданиях, за исключением рекламы пива и напитков, изготавливаемых на основе пива, а также вина, крепленого вина и игристого вина, *произведенных в Российской Федерации из выращенного на территории Российской Федерации винограда*» (курсив наш. — М.К.) [6]. Следуя логике законодателя, получается, что вино, произведенное в России из российского винограда, менее вредно для потребителя, нежели вино импортируемое, хотя и соответствующее всем предъявляемым к нему требованиям, или же реклама российского вина не имеет таких негативных последствий для широкого круга потребителей, как реклама зарубежной алкогольной продукции. Разумеется, это не так, а законодатель, устанавливая определенные запреты в целях ограничения рекламы алкоголя, «оставляет лазейки» для рекламы российской алкогольной продукции, руководствуясь желанием поддержать отечественного производителя, либо идя на поводу у лоббистов соответствующей продукции, что в обоих случаях является формой манипулирования указанными запретами за счет и в ущерб интересам потребителей. При этом данный способ манипулирования юридическими целями и средствами не осуществляется непосредственно участниками правореализационного процесса и его следует отличать от манипулирования, присутствующего в процессе соблюдения права.

Необходимо понимать, что смысл манипулирования юридическими целями и средствами при соблюдении права заключается не в том, что субъектам правореализационного процесса удалось обойти запрет и при этом ничего не нарушить. Суть данной формы правомерного поведения кроется в таких действиях субъекта права, которые позволяют ему соблюсти запрет за счет и в ущерб интересам иных участников правоотношений, оставаясь при этом в границах дозволенного законом и реализовать свои не противоречащие праву стремления.

Ключевыми результатами манипулирования целями и средствами в процессе соблюдения права является то, что при формальном соблю-

дени буквы закона нарушается основной смысл правовых предписаний. Иными словами, нарушается не сам запрет (который формально соблюдается), но игнорируется его суть, содержание, нивелируются те цели, ради которых он создавался. Помимо того, происходит снижение действенности, эффективности правовых норм, так как отдельные запреты уже не позволяют достичь баланса в реализации законных интересов тех участников общественных отношений, координацию поведения которых они и должны были осуществлять [7]. Как следствие, государство в лице правотворческих органов не может в полной мере гарантировать интересы тех субъектов, ради защиты которых и вводились конкретные запреты. Соответственно, в обществе провоцируется рост правового нигилизма, так как и у субъектов, и у объектов манипулятивного воздействия при достаточных к тому основаниях укрепляется вера в известное выражение: «Закон — что дышло: куда повернешь, туда и вышло».

В отличие от соблюдения права, при его исполнении субъекты выполняют (исполняют) возложенные на них обязанности, реализуя уже не столько запрещающие, сколько обязывающие нормы права, предписывающие определенный, конкретный вариант активных действий субъектов. Безусловно, можно долго рассуждать относительно того, что запрет также представляет собой обязанность его не нарушать, однако, если запрет может быть реализован пассивной формой правомерного поведения субъекта, когда он, не совершая никаких действий, одновременно соблюдает тысячи запретов, то об исполнении юридической обязанности этого сказать нельзя, ибо последняя предполагает конкретный вариант активных действий лица, направленных на удовлетворение интересов контрсубъектов, будучи предписанной субъекту мерой должного, необходимого поведения [8, с. 67]. Этим и объясняется существование так называемых «трех китов правового регулирования»: обязывания, дозволения и запрета.

Манипулирование юридическими целями и средствами в процессе исполнения права заключается в таком выполнении возложенных на субъекта обязанностей, при котором происходит реализация его субъективных прав, свобод и законных интересов за счет и в ущерб корреспондирующего (противостоящего) участника правоотношений, государства или общества в целом, ради обеспечения интересов которых данная обязанность и была изначально установлена.

Следует согласиться с устоявшейся концепцией, заключающейся в том, что юридическая обязанность, будучи мерой должного, необходимого поведения лица корреспондирует субъективному праву и устанавливается как в интересах управомоченного, так и в интересах

общества и государства, будучи гарантом их осуществления [4, с. 327; 9, с. 186; 10, с. 304; 11, с. 87]. Иными словами, основное предназначение юридической обязанности заключается в таком императивном регулировании поведения субъекта, при котором создаются или гарантируются возможности реализации субъективных прав, свобод и законных интересов корреспондирующих участников правоотношений.

При манипулировании юридическими целями и средствами в процессе исполнения права обязаный субъект формально ведет себя в соответствии с предъявляемыми к нему требованиями, но это не приводит к изначально планируемым правотворцем последствиям и реализует в первую очередь интересы самого обязанного лица за счет и в ущерб интересам корреспондирующих ему в правоотношении лиц.

В качестве примеров манипулирования юридическими обязанностями в правореализационном процессе можно привести исполнение лицом призывного возраста обязанности службы в армии, которую он исполняет халатно, «спустя рукава», лишь для того, чтобы в дальнейшем иметь возможность устроиться на работу в правоохранительные органы. В рассматриваемом случае человек призывного возраста намеренно выбирает исполнение обязанности ради реализации своих интересов (имея возможность поступить в вуз, продолжить обучение в аспирантуре и получить отсрочку от службы в вооруженных силах [12]), своим отношением, практически не содействуя реализации интересов общества и государства в защите Отечества.

Изложенное относится и к избирательному исполнению своих обязанностей многочисленными международными правозащитными организациями (ОБСЕ, Совет Европы, HumanRightsWatch и др.), никак не реагировавшими на откровенный геноцид русского населения Донбасса, осуществлявшийся с 2014 г., но внезапно активизировавшихся после начала в феврале 2024 г. специальной военной операции России, направленной на демилитаризацию и денацификацию Украины.

Процветавший на Украине нацизм с его откровенно демонстрируемой символикой не вызвал озабоченности ни правозащитных организаций, ни компетентных органов Евросоюза, как и коллективного Запада в целом, в то время как борьба с неприкрытым современным фашизмом спровоцировала негативную реакцию так называемого «цивилизованного мирового сообщества», которая на самом деле объясняется не озабоченностью правами человека, а уверенным укреплением Россией позиций в мире и успешной защитой ею своих национальных интересов.

Подобное манипулирование в процессе исполнения права неизбежно приводит к следующим результатам:

1. Юридические обязанности как корреспондирующие субъективному праву средства не позволяют в полной мере гарантировать реализацию интересов управомоченного лица, в должной мере обеспечить существующие правовые дозволения.

2. Снижается эффективность императивного метода правового регулирования, не предполагающего свободу воли и усмотрения субъекта при исполнении обязывающих юридических предписаний, что ведет к очевидному ослаблению управленческой способности государства в целом, нарушению баланса в сосуществовании интересов личности, общества и государства [13].

3. Развитие правоотношений становится непредсказуемым, повышаются юридические риски (в данном контексте трактуемые как вероятностные неблагоприятные последствия правомерного поведения [14, с. 197]) для всех его участников.

Манипулирование юридическими целями и средствами в процессе использования права заключается в том, что управомоченный субъект реализует свои права, свободы и законные интересы за счет и в ущерб интересам другого участника правоотношений; при этом объект манипулирования действует исходя из того, что его форма поведения является оптимальной, допустимой или единственно возможной в сложившейся ситуации. Другими словами, объект манипулирования находится в неведении относительно истинных мотивов и замыслов субъекта манипулятивного воздействия, которым и является управомоченное лицо, действующее правомерно и реализующее свои субъективные права, свободы и законные интересы.

Манипулирование посредством использования субъективного права наблюдается, например, когда судья, действуя в рамках своих полномочий, убеждает стороны заключить мировое соглашение даже в тех случаях, когда очевидно, что интересы одной из сторон могут при этом существенно пострадать. Однако в подобных ситуациях судьбе гораздо проще и выгоднее «добросовестно» действовать в рамках исполнения своей прямой функции, заключающейся в использовании всех возможностей для примирения сторон, и вынести определение об утверждении мирового соглашения, нежели рассматривать сложное дело по существу, которое впоследствии может быть обжаловано и пересмотрено апелляционной инстанцией.

Манипулирование юридическими целями и средствами в процессе использования права приобретает масштабные формы при заключении брачных контрактов, которые, несмотря на справедливое рассмотрение

через призму полезных и востребованных правовых средств, способных обеспечить отсутствие потенциальной возможности возникновения конфликтных ситуаций между супругами по разного рода вопросам [15; 16], не исключают использования субъективных прав одним из них в ущерб правам и законным интересам другого.

Опираясь на сложившуюся судебную практику, отдающую явный и не всегда оправданный приоритет интересам матери при решении вопросов, связанных с местом жительства ребенка и порядка общения с ним при разводе родителей, женщины на вполне законных основаниях пользуются этим в манипулятивных целях как при заключении, оспаривании и признании недействительными брачных договоров, так и при разделе имущества в бракоразводном процессе, когда подобный договор заключен не был [17].

К основным результатам манипулирования юридическими целями и средствами в процессе использования права можно отнести следующие:

1. Объекты манипулятивного воздействия (в данном случае — участники правоотношения, противостоящие управомоченному субъекту) не могут полноценно реализовать свои субъективные права, свободы и законные интересы и используются лишь как средство удовлетворения интересов субъекта манипулирования.

2. Потенциал правовых дозволений значительно уменьшается, так как объект манипулятивного воздействия не может эффективно использовать гарантированную ему меру возможного поведения, равно как и реализовывать свои законные интересы, что, в свою очередь, негативно сказывается на эффективности правового регулирования, на использовании диспозитивных начал в координации общественных отношений и провоцирует нигилистические настроения в обществе.

Еще одной формой реализации права является правоприменение, которое представляет собой властную деятельность компетентных органов и должностных лиц, направленную на реализацию права. Под манипулированием юридическими целями и средствами в правоприменительной деятельности предлагаем понимать осуществляемое при помощи скрытой тактики или стратегии правомерное воздействие правоприменителя (субъекта управления) на поведение объекта управления вопреки его истинным потребностям и интересам, а также интересам общества и государства ради реализации собственных правомерных стремлений.

Примером использования манипулятивных технологий субъектами правоприменения может являться перевод сотрудника на более

статусную должность не в качестве поощрения и не ради повышения его заработной платы, а для увеличения объема должностных обязанностей и фронта работ. Часто работодатель отправляет отдельных сотрудников на курсы повышения квалификации не столько ради повышения уровня их профессиональных знаний, сколько для получения возможности продвижения по карьерной лестнице данных лояльных ему подчиненных, издает приказ о сокращении персонала, чтобы уволить лишь одного неугодного сотрудника, проводит масштабную реорганизацию с целью конкретных кадровых перестановок и т.д.

Нередки случаи, когда, привлекая правонарушителя к ответственности, правоприменитель исходя из политической целесообразности и желания «выслужиться» перед начальством избирает ту санкцию, которая будет «одобрена» вышестоящим руководством, даже если это противоречит его профессиональному усмотрению.

Манипулирование юридическими целями и средствами в правоприменительном процессе наблюдается в самых различных сферах и осуществляется широким кругом компетентных субъектов. О.А. Романова подчеркивает, что «на практике нормы земельного и экологического законодательства, устанавливающие запрет приватизации земельных участков на территории курортов и лечебно-оздоровительных местностей, *применяются избирательно* в зависимости от конкретной ситуации и участвующих в правоотношениях субъектов, что превращает их в *инструмент манипулирования* в сфере земельно-имущественных отношений» (курсив наш. — М.К.) [18]. Помимо сферы земельно-имущественных отношений, манипулирование правовым инструментарием широко распространено в сфере осуществления закупок товаров для государственных и муниципальных нужд [19], лицензирования отдельных видов деятельности [20], антимонопольного регулирования [21] и других.

Манипулирование в процессе правоприменительной деятельности приводит к определенным результатам.

Во-первых, сущность и основное предназначение правоприменительного процесса заключается в устранении препятствий на пути реализации правомерных интересов субъектов права. Манипулирование же юридическими целями и средствами субъектами правоприменения данные препятствия только умножает, создает новые сложности участникам правоотношения в реализации субъективных прав, свобод и законных интересов.

Во-вторых, манипулятивное правоприменение искажает волю правотворца, не позволяет правовой норме реализоваться в соответствии с

его замыслом, адаптируя последнюю к формально правомерным интересам субъектов управления.

В-третьих, снижается качество и эффективность правоохранительной деятельности, подрывается доверие общества к властным и силовым структурам, призванным обеспечивать в обществе законность и правопорядок.

В-четвертых, разрешение споров о праве в процессе судебной или иной правоприменительной деятельности не способно полностью погасить конфликт, провоцирует дальнейшую неудовлетворенность участников правоотношений.

Вместе с тем следует отметить, что манипулирование юридическими целями и средствами в правореализационном процессе обусловлено социокультурными, политическими, экономическими и иными факторами. Манипулирование юридическими целями и средствами — это имманентная, неотъемлемая характеристика процесса реализации права, его свойство, позволяющее адаптировать правовые предписания к конкретным обстоятельствам, интересам и запросам субъектов права. В этом и заключается диалектика правового регулирования, объясняющая тот факт, что манипулирование юридическими целями и средствами снижает эффективность юридических предписаний, искажая волю правотворца, но одновременно с этим востребовано самим обществом, позволяя участникам правоотношения не выходить за рамки дозволенного и вести себя правомерно.

Библиографический список

1. Малько А.В., Субочев В.В. Политико-правовое манипулирование как психологический феномен и научная категория // Психология и право. 2021. Т. 11, № 1. С. 163–180.
2. Субочев В.В. Лоббизм в России: природа, специфика, проблемы правового регулирования // Право и управление. XXI век. 2014. № 2 (31). С. 28–36.
3. Субочев В.В. Формы и методы лоббистской деятельности в правовой действительности российского государства // Правовая политика и правовая жизнь. 2002. № 4. С. 35–47.
4. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М., 2021.
5. Краснов Ю.К., Енгибарян Р.В. Теория государства и права: учебник. М., 2018.
6. О рекламе: Федер. закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ (в ред. от 14 июля 2022 г.) // СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.
7. Субочев В.В. Механизм трансформации законных интересов в субъективные права и субъективных прав в законные интересы // Современное право. 2007. № 3. С. 89–96.
8. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. М., 1999.

9. Матузов Н.И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. Саратов, 1972.
10. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. М., 1997.
11. Барзилова Ю.В. Юридические обязанности как элемент правового статуса личности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006.
12. О воинской обязанности и военной службе: Федер. закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ (в ред. от 14 июля 2022 г.) // СЗ РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.
13. Субочев В.В. Диалектика интересов личности, общества и государства как общеправовая проблема // Право и государство: теория и практика. 2006. № 5. С. 125–135.
14. Корж П.А. К вопросу о понятии юридического риска // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 197–198.
15. Швец А.В., Чубукина А.Е. Правовая природа брачного договора // Нотариус. 2022. № 1. С. 28–31.
16. Панюшкина Е.А. Брачный договор в России: путь к цивилизованному решению брачных вопросов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 1-3 (52). С. 141–143.
17. Зыков С.В. Российское отцовство: «поражение в правах» // Журнал российского права. 2021. № 9. С. 47–60.
18. Романова О.А. Проблемы правового регулирования земельно-имущественных отношений на территориях российских курортов // Lex russica. 2019. № 5. С. 148–160.
19. Павлова Н.С., Плеханова Л.С. Критерии эффективности государственных закупок: неучтенные эффекты // Закон. 2021. № 8. С. 41–51.
20. Стандзоль Л.В. Система федерального законодательства о лицензировании: проблемы и перспективы законодательного регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 12. С. 70–77.
21. Федоров Ю.В. Проблемы применения отдельных антимонопольных запретов при осуществлении деятельности торговых сетей // Российское конкурентное право и экономика. 2021. № 4. С. 18–25.